

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 811.161.1'37

НАИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГНЕВЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Л.Р. Ахмерова

Аннотация

Статья посвящена вопросу вербализации представлений о гневе в русской языковой картине мира. Данные наивной психологии содержат информацию о переживании и выражении гнева, характерном для русской культуры. Лингвистическая интерпретация данной семантики в современном русском языке в целом обнаруживает соответствие с толкованием этого душевного состояния в психологии, однако можно говорить о существовании «лингвистических ловушек», которые необходимо учитывать в психологической практике.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, наивная психология, гнев, концептуализация, метаязык.

Внутренняя психическая жизнь человека находится в фокусе внимания и психологии (как непосредственный объект исследования), и лингвистики (которую интересуют механизмы вербальной интерпретации абстрактных внутренних состояний).

Современный этап развития науки характеризуется активным межнаучным симбиозом. Это явление далеко не новое, исследования и ранее проводились на стыке наук – лингвистики и культурологии, лингвистики и информатики, лингвистики и психологии и т. д., однако сейчас этот научный симбиоз приобретает качественно новый характер. По словам современного философа С. Переслегина, «все конкретные научные дисциплины являются лишь проявлением метанауки...» [1].

Исследование специфики вербализации внутренних психических процессов в рамках метанаучного подхода, объединяющего лингвистические и психологические аспекты, важно для решения как чисто языковедческих задач в области лексикологии, семантики, когнитивной лингвистики, так и проблем практической психологии.

Это связано с тем, что справиться с психологической проблемой возможно только при условии принятия человеком своего душевного состояния – гнева, возмущения, разочарования, раздражения и т. д. (в нашей работе мы будем использовать термин *душевное состояние* как общее нерасчлененное обозначение

эмоций, чувств и состояний). Осознать и принять можно лишь то, что имеет название, – внутренний мир человека опирается исключительно на слово.

Однако психология испытывает в данной области большие затруднения в связи с тем, что большинство носителей языка не владеет словарем наименований различных душевных состояний. Несмотря на относительную разработанность этой лексико-семантической группы в языке (она включает большое количество элементов – *горе, радость, разочарование, трепет, восхищение, удрученность, озабоченность* и др.), среднестатистический носитель языка пользуется весьма ограниченным набором лексем (*плохо – хорошо, радостно – грустно, злой – веселый*). Следовательно, палитра наименований (и непосредственных переживаний) психологических явлений оказывается обедненной.

Эта чисто лингвистическая трудность усугубляется тем, что на словесное описание проблемы обычно накладываются тысячи ассоциаций, шаблонов, страхов, табу. По меткому лингвистическому замечанию известного гештальт-психотерапевта Джона Энрайта, «в нашей жизни мы почти всегда имеем дело не с реальностью, а ее описанием, причем в тем большей степени, чем более культурными мы становимся» [2, с. 153].

Как известно, национальный язык и мышление оказывают друг на друга сильное влияние, находиться за пределами какого-либо «языкового круга» невозможно. Язык «навязывает» своим носителям зафиксированные в его картине мира представления о мире чувств, о типовых ситуациях, в которых эти чувства возникают, о стандартных сценариях переживания этих чувств и т. д. Следовательно, отношения между языком как хранителем национальных представлений о мире человеческой души и языком как инструментом работы психолога разнообразны, сложны, плодотворны, но подчас и противоречивы.

В данном исследовании речь пойдет об именах существительных (поскольку мы говорим об «именах» внутренних состояний) с общим базовым значением ‘гнев’. Интерес к ним вызван тем, что повышенная агрессия в различных ее видах является своеобразным атрибутом нашего времени. Современный человек оказывается во власти негативных эмоций.

Каковы взаимоотношения лингвистики и психологии в области изучения этого феномена?

В психологии гнев относится к одной из четырех аутентичных эмоций наряду с радостью, страхом и печалью (в работе мы будем использовать общее обозначение *гнев* применительно ко всем душевным состояниям, связанным с возникновением агрессии). Все другие эмоции – комбинации аутентичных [3].

Важно отметить, что аутентичные эмоции ориентируют субъект во времени и определяют его поведение: страх направлен в будущее и подразумевает активные действия по предотвращению какого-то нежелательного события, печаль ориентирована на прошлое, это память о чем-то неприятном, которую надо принять и отпустить, радость – это удовлетворенность настоящим моментом, а гнев – активные действия в настоящем для противодействия чему-то негативному. Следовательно, забота о психологическом здоровье человека предполагает распознавание истинного душевного состояния и правильное переживание его.

Однако большинство наших современников испытывают в этой области большие затруднения. Так, в нашем обществе считается, что интеллигентная,

хорошо воспитанная женщина не должна открыто гневаться, тогда как мужчине это позволено [3].

Известно, что при гневe организм вырабатывает дополнительную энергию, необходимую для изменения негативной ситуации, и ее необходимо куда-то направить, иначе она, подавленная и нереализованная, начнёт разрушать личность субъекта и его организм. Правильная реализация может подразумевать крик, эмоциональную речь против объекта гнева, резкое физическое действие. Чтобы дать выход этой энергии, необходимо, во-первых, узнать свой гнев как эмоцию и дать ему право на существование и выражение. Второй этап – определить, что именно вызвало гнев, так как агрессия должна быть объектной.

Однако в нашем обществе, когда ребенок (особенно девочка) сердится, говорят, что он устал или заболел, и предлагают ему отдохнуть, поиграть и т. д. Таким образом, энергия гнева не просто остается невыраженной, но ей ещё и отказано в праве на существование. Естественно, когда такая девочка вырастает и кто-то или что-то вызывает её гнев, она, вместо того чтобы дать отпор обидчику или ситуации, делает вид, что проблемы не существует, заболевает, обижается, впадает в депрессию, «заедает» проблему и пр. К сожалению, выбранный в детстве сценарий поведения – человек испытывает гнев, но замещает его, например, ощущением боли – приводит к развитию психосоматических болезней [3].

Изучение специфики вербализации гнева представляется важным для решения подобных психологических проблем современного человека. Для носителей языка реальными и потому жизненно актуальными часто являются не научные, а наивно-психологические воззрения, воплощенные в языке. По мнению Ю.Д. Апресяна, «во многих случаях они [наивные представления] не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятиков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [4, с. 39]. Русская наивно-психологическая картина мира может быть зафиксирована и в языке художественных произведений, примеры контекстов из которых приводятся в работе по мере необходимости.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что в целом «создание лексики и грамматики чувств есть результат великого усилия человека познать самого себя» [5, с. 399]. О значимости такого душевного состояния, как гнев, в наивно-психологической картине мира русского человека говорит довольно большой синонимический ряд: *злоба, злость, гнев, раздражение, ярость, бешенство, негодование, возмущение, досада* и др. Вероятно, таким образом язык стремился отразить в лексике различные степени и виды проявления этого важного состояния.

Однако при анализе словарных определений мы видим, что толкование значений этих слов представляет большую трудность: оно либо содержит логический круг (*злость* – ‘злое раздраженно-враждебное чувство’, *негодование* – ‘крайнее недовольство, возмущение’, *возмущение* – ‘крайнее недовольство, негодование, гнев’ (ТС) и др.), либо является очень неточным. Так, оказывается, что в данный синонимический ряд входят и такие лексемы, как *огорчение* (поскольку *досада* – ‘чувство неудовольствия, огорчения, вызванное неудачей,

обидой и т. п.) и *расстройство* ('плохое подавленное настроение, огорчение') (ТС). Безусловно, это всё наименования негативных душевных состояний, однако сомнительным представляется их отождествление. Следовательно, данные словарные дефиниции, описывая наивно-психологические представления, не отражают реальной психологической сути этих состояний. Хотя, вероятно, это важный показатель того, что для современных носителей языка на подсознательном уровне состояния гнева и расстройства практически неразличимы – это общее ощущение «мне плохо», но при этом их неразличение чревато внутренними конфликтами.

Трудности описания психологической лексики могут быть решены, по мнению исследователей, следующим образом. В лингвистике существует два основных подхода к описанию эмоций: смысловой (А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская и др.) и метафорический (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) [6].

Поскольку сфера эмоций – одна из самых сложных систем человека (они недоступны непосредственному наблюдению, и их очень непросто перевести в слова), смысловой подход предполагает моделирование неких прототипических ситуаций (ментальных сценариев, по А. Вежбицкой [7]), в которых человек обычно испытывает те или иные эмоции. Интересно, что эти сценарии могут меняться со временем, и необходимо учитывать диахронический аспект. Так, В.И. Даль приводит контекст *Он огорчен смертью брата*, тогда как сейчас *огорчение* ассоциируется с событиями менее экзистенциальными (*Он огорчен пропажей, провалом спектакля* и др.) (СД2).

Смысловой подход связан с проблемой разработки метаязыка подобных толкований. По мнению А. Вежбицкой, «если мы хотим истолковать эмоциональные концепты так, чтобы они были действительно объяснены, то мы должны определить их с помощью слов, которые были бы интуитивно поняты... и не являлись бы сами именами эмоций или эмоциональных состояний...» [7, с. 329].

Разработка подобного метаязыка для толкования внутренних состояний могла бы упорядочить (вернее, вывести на сознательный уровень с подсознательного) представления носителей языка о том, что именно с ними происходит на уровне психики. Это можно проиллюстрировать следующим образом. В толковании значения лексемы *досада* – 'чувство неудовольствия, огорчения, вызванное неудачей, обидой и т. п.' (ТС) – содержится «лингвистическая ловушка»: определяя в данном случае базовую эмоцию как печаль, носитель языка определяет и соответствующий «сценарий работы» (например, тихо грустит вместо того, чтобы активно выразить переполняющие его чувства).

Аналогичную картину отражает и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля: *досада* – 'действие по глаголу *досадить*, а также дело, предмет, случай, досадивший кому, и само чувство огорчения, гнева, неудовольствия' (отмечаем неразличение этих состояний). Однако в этом же словаре в толковании такого душевного состояния, как гнев, видна истинная психологическая природа досады: *гнев* – 'сильное чувство негодования, страстная порывистая досада, запальчивый порыв, вспышка, озлобление, злоба' (СД1). Это может свидетельствовать в пользу того, что подсознательное ощущение сходной психологической природы гнева и досады все же присутствует у носителей языка, это отмечает и «Словарь синонимов русского языка», описывая значения

лексемы *желчь*, входящей в один синонимический ряд со словами *злоба*, *злость*, *зло* (разг.) – ‘раздраженно-горькое чувство досады или озлобленности, вызываемое ч.-л.’ (ССин).

Ю.Д. Апресян в рамках смыслового подхода предлагал для описания лексики (в том числе и психологической) выявлять лексикографические типы – группы лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство, к которым применимы одни и те же правила лексикографического описания [4].

Так, негативные душевные состояния, характеризующиеся возникновением агрессии, можно классифицировать по различным основаниям: по наличию интеллектуальной оценки (они делятся на первичные, общие для человека и животных, например, *злость*, *ярость*, и окультуренные, в которых преобладает интеллектуальная оценка, например, *возмущение*); по степени интенсивности и глубины проявления (*злость* – нейтральная позиция, *ярость* – интенсивное проявление эмоции); по внешнему проявлению (*злиться* можно молча, *бешенство*, как правило, предполагает какое-то конкретное выражение); по особенностям субъекта (*сердят* того, кто занимает более высокое положение, – *Внук сердит бабушку*, но не наоборот, *злить* же можно всякого); по наличию или отсутствию мотива (*злить* можно намеренно, *возмущать* – нет) и др. [4].

Метафорический подход изучает, каким образом душевное состояние концептуализируется в языке.

Безусловно, наименования душевных состояний – особая группа слов, поскольку они носят очень абстрактный характер. Как известно, истоки абстрактных понятий следует искать в конкретном. Об этом упоминали и представители Казанской лингвистической школы. Н.Д. Арутюнова отмечает, что, «поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах...» [5, с. 387].

Интерпретация таких абстрактных душевных состояний, как гнев, злоба, ярость и др., осуществляется в русском языке с помощью идеи огня или раскаленной жидкости (например, *злоба кипит*, *пылает*, *ярость разгорается*, *клокочет*, *выплескивается* и т. д.). Интересны в этой связи и примеры народной этимологии: Г.О. Винокур приводит рассуждение Матвея Кожемякина у М. Горького: «Вспомнилось, как однажды слово “гнев” встало почему-то рядом со словом “огонь” и наполнило усталую в одиночестве душу угнетающей печалью. – Гнев, – соображал он, – прогневаться, огневаться, – вот он откуда, гнев – из огня! У кого огонь в душе горит, тот и гневен бывает. А я бывал ли гневен-то? Нет во мне огня» (цит. по [5, с. 393]).

При метафорическом подходе полезным, на наш взгляд, может быть и рассмотрение этимологии этих слов, поскольку внутренняя форма – наиболее древний вид концептуализации. В случае с абстрактной лексикой можно говорить о концептуальной метафоре, которая «делает абстрактное легче воспринимаемым... и становится единственным способом выражения отвлечённых понятий». Причем «репрезентация абстрактного по образцу конкретного является логико-семантической универсалией» [8, с. 135].

Так, по данным этимологических словарей, многие современные наименования чувств и эмоций этимологически связаны с физическими ощущениями,

соотносимыми, по представлениям наших предков, с соответствующими душевными состояниями (*горе* – от *гореть*, *печаль* – от *печь*, *грусть* от и.-е. **greu-d* ‘тереть, бить, толочь’, *страх* от **ster-* ‘коченеть, цепенеть’ (ЭС1, ЭС2). Лексема *гнев* соотносится с *гнить* – таким образом, это ‘душевный» гной, нарыв, порченная кровь, яд’, *раздражение* соотносится с неприятным телесным ощущением и т. д. (ЭС1) (см. также [9, с. 124]). Это удивительным образом совпадает с трактовкой чувств и эмоций в гештальт- и телесно-ориентированной психотерапии, где единственным подтверждением реальности чувства является его телесное переживание (см. [2]).

В следующем примере автор сознательно, а скорее, подсознательно оживает связь между абстрактным теперь физическим переживанием и древним телесным ощущением: «Женщина, с которой беседовал директор, оказалась обращенной к Служкину спиной, и это вызвало у нее видимое даже по спине раздражение» (Ив., с. 12).

Таким образом, концептуализация гнева совпадает с его научной интерпретацией в современной психологии (это некая энергия (огонь, пар и др.), которая должна найти выход, иначе может причинить человеку вред).

В этой связи интересно отметить, что такая энергия не является негативной, плохой по сути (хотя мы и определяем *гнев* как негативное душевное состояние потому, что «нам от этого плохо»). Об этом свидетельствуют такие узуальные сочетания, как *праведный гнев*, *благородное возмущение*, *священная ярость*, *спортивная*, *здоровая злость* и др.

Вероятно, можно говорить о том, что на более раннем этапе развития языка такие лексемы, как *злость* и *ярость*, имели синкретичное значение ‘душевной энергии’ вообще, сама по себе она не была ни плохой, ни хорошей, все зависело от того, как ею распорядится человек. Об этом свидетельствует, например, этимология лексемы *ярость* (Ф.Ф. Фортунатов сопоставляет *ярость* с гр. *ζωρός* – ‘крепкий (о вине)’ (ЭС2)), а также сложный семантический комплекс, представленный значениями этих и однокоренных им слов в диалектах.

По В.И. Далю, иногда *злой* означает ‘высшую степень подразумеваемого свойства’: *злой работник* (пск., кал.) – ‘старательный, ретивый, способный, ловкий’ // ‘острый, насмешливый, охотник острить’, с другой стороны (здесь даже можно говорить о своеобразной энантиосемии) – *злыдень* (прм.) – ‘шатун, тунеяд, человек никуда на дело негодный’ // ‘бедняк, бедовик’; *злыдарь* и *злыдарка* (ряз., тамб., костр.) – ‘злонамеренный, недобрый человек, колдун, знахарь’ // ‘горемыка, бедовик, несчастный, сырый, нищий’; *злыдарить* – ‘плутовать, мошенничать’ // ‘знахарить, ворожить, портить людей’ // ‘плакаться и жаловаться на свою судьбу’ // ‘дармоедничать, тунеядничать’; *злыдни* (сев. и зап.) – ‘тяжкое, бедовое время, нужда, крайность, бедность, голод’ // ‘слезы, печаль, горе, беда’ // ‘малость чего, небольшое, ничтожное количество’ // (тмб.) ‘шалости, проказы, пакости’ // ‘обида, насилие властей, тягота, нападки, сплетни’ (СД1).

Сложность семантики слов *ярый* и *ярость* также свидетельствует о синкретичном значении, связанном с проявлением силы, энергии: *ярый* – ‘огненный, пылкий’ // ‘сердитый, злой, лютый, горячий, запальчивый’ // ‘крепкий, сильный, жестокий’ // ‘скорый, бойкий, неудержный, ретивый, рьяный’ // ‘расплавленный, плавкий, весьма горячий’ // ‘белый, блестящий, яркий’ // ‘горячий,

похотливый»; *ярость* (арх.) – ‘сильный гнев, озлобление, лютость, зверство, неистовство, порыв силы бессмысленной, стихийной’ // ‘похоть’ (СД4).

Примечательно, что современные словарные толкования регистрируют в качестве второго значения лексем *злость* и *ярость* их аутентичную психическую основу (ср. психологическую суть гнева – активные действия в настоящем для противодействия чему-то негативному в будущем [3]): *ярость* – ‘необычайная сила, интенсивность проявления чего-то, неистовство’, *злость* – ‘стремление действовать активно, боевое настроение, азарт’ (ТС).

Таким образом, этимологизация этих слов выявляет древние представления, находящиеся в неожиданном соответствии с взглядами современной психологии на природу гнева.

Далее можно попытаться реконструировать некоторые правила обращения с этой мощной душевной энергией, зафиксированные в языке.

Безусловно, культура всегда регулирует свободное выражение эмоций членами общества, иначе они просто не могли бы существовать вместе. Однако во многих древних и современных культурах (в восточных больше, чем в западных) на свободное выражение гнева наложен строгий запрет (об этом мы уже упоминали в начале статьи).

В особенностях русской языковой концептуализации этого душевного состояния можно обнаружить подобные наивно-этические установки. Словосочетания *кипеть от злости*, *ярость клокочет*, *дрожать от гнева*, *покраснеть (побагроветь) от ярости* говорят о наличии этой энергии, далее предполагается два варианта развития событий – выразить гнев (*взорваться*, *излить злобу*, *выплеснуть гнев* и т. д.) или сдержаться (обычно с большим трудом – *захлебнуться яростью*, *злоба может душить*, человек может *побледнеть* или *побелеть от злости* и др.). Последний вариант – наиболее частотный сценарий (ср.: *Меня душил злоба, но я могу говорить хладнокровно*. Чехов, Иванов (СС)). Интересно, что сдержат можно даже самые сильные проявления этого состояния – *ярость* и *бешенство*, кроме того, *ярость* может быть *холодной* и даже *ледяной* (как результат ее «остужения», подавления, сдерживания).

Таким образом, эти наблюдения могут дополнить замечание Ю.Д. Апресяна о том, что гнев – это «горячее» чувство. Он отмечает: «Большая группа эмоций (в частности, страсть, ярость, гнев) ассоциируется с болезнью или жаром... Очевидно, например, что такие не встречающиеся в узусе выражения, как *Его знобило от страха* и *Ему стало жарко от гнева*, будут с большей готовностью приняты и с большей легкостью проинтерпретированы, чем выражения ^{??}*Его знобило от гнева* и ^{??}*Ему стало жарко от страха*. Дело в том, что два первых выражения эксплуатируют правильные образы, опирающиеся на массовое языковое сознание, а вторые два – неправильные...» [6, с. 32].

В языке художественного произведения можно встретить подобный «холодный» сценарий обращения с гневом, что свидетельствует о том, что для русского человека он все-таки так же актуален, как и «горячий» вариант: *Красивая Роза Борисовна слегка покраснела от ярости, собрала свои листочки в идеально ровную стопку и ледяным тоном произнесла...* (Ив., с. 13). Сочетание лексем *ярость*, *покраснеть* и *ледяной* свидетельствует о неконгруэнтности эмоции и ее телесного выражения: ярость требует активного (горячего) выхода,

а героиня предельно спокойна и холодна, налицо несоответствие между внутренним и внешним состоянием человека.

Можно предположить, что обусловленная культурой необходимость подавлять гнев (а это требует от человека неимоверного внутреннего напряжения) приводит к тому, что гнев может вообще не идентифицироваться как душевное состояние: он предстает под маской грусти, которую переживать в нашей культуре гораздо «удобнее». Возможно, этим и объясняется отождествление гнева и грусти в наивной психологической картине мира русского человека (по данным словарей русского языка).

Таким образом, лингвистическая интерпретация душевных состояний, характеризующихся возникновением агрессии (злобы, ярости, раздражения, бешенства и др.), в современном русском языке в целом обнаруживает соответствие с их толкованием в психологии. Актуальность гнева как состояния души подтверждается наличием целого синонимического ряда, концептуализация подобного состояния по данным современного русского языка и этимологии связана с идеей некоей внутренней энергии, которая нейтральна сама по себе. Языковая картина мира – хранитель сценариев работы с чувствами, она фиксирует две модели переживания гнева – его выражение и подавление. Вероятно, изучение наивно-психологической языковой картины мира русского языка может иметь и практическое применение и учитываться в практической психологии.

Summary

L.R. Akhmerova. The Idea of Anger in Naive Psychology Represented in the Russian Linguistic Worldview.

The paper deals with the question of the representation of anger in the Russian linguistic worldview. The “naive psychology” gives information of how anger has traditionally been felt and expressed in Russian culture. It can be concluded that the linguistic representation of this semantics is very close to the psychological view of anger. However, the so-called “linguistic traps” were singled out, that should be taken into account in psychotherapist’s practice.

Key words: Russian linguistic worldview, naive psychology, anger, conceptualization, metalanguage.

Источники

- ТС – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
- СД1 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Прогресс, Изд. фирма «Универс», 1994. – Т. 1: А–З. – 699 с.
- СД2 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Прогресс, Изд. фирма «Универс», 1994. – Т. 2: И–О. – 780 с.
- СД4 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Прогресс, Изд. фирма «Универс», 1994. – Т. 4: С–У. – 684 с.

- ССин – Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1971. – Т. 1. – 680 с.
- ЭС1 – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: Гос. изд-во нац. и иностр. словарей, 1959. – Т. 1. – 674 с.
- ЭС2 – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка.: в 2 т. – М.: Гос. изд-во нац. и иностр. словарей, 1959. – Т. 2. – 416 с.
- Ив. – *Иванов А.* Географ глобус пропил. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 512 с.
- СС – Словарь сочетаемости русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.

Литература

1. *Переслегин С.* Из дебюта в миттельшпиль. – URL: <http://ifuture.narod.ru>, свободный.
2. *Энрайт Д.* Гештальт, ведущий к просветлению. – М.: Апрель Пресс, Эксмо, 2002. – 304 с.
3. *Макаров В.В., Макарова Г.А.* Транзактный анализ – восточная версия. – М.: Академ. проект; ОППЛ, 2002. – 496 с.
4. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопр. языкознания.* – 1995. – № 1. – С. 37–67.
5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
6. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопр. языкознания.* – 1993. – № 3. – С. 27–35.
7. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
8. *Балашова Л.В.* Метафора и языковая картина мира в диахронии (на примере переноса «пространство» – «время» в русском языке) // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр.* – Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. – С. 134–142.
9. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.

Поступила в редакцию
15.06.09

Ахмерова Лилия Ренадовна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры современного русского языка Казанского государственного университета.
E-mail: lavolkins15@mail.ru